

ПОТЕНЦИАЛ ЦЕЛЕВЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕРРИТОРИИ

К. В. Харченко¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Харченко К. В. Потенциал целевых групп населения как фактор интеграции социального пространства территории // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 124–139. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7877

Аннотация. Статья посвящена анализу потенциала целевых групп населения, которые рассматриваются в качестве социальной базы реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований. Цель исследования – определить способы выявления и инструменты активизации потенциала различных групп населения в процессе реализации стратегических документов. Потенциал целевых групп населения рассмотрен в контексте понятия потенциала как социально-управленческой категории, обладающей как объективным, так и субъективным содержанием. Определено место потенциала целевых групп населения среди разнообразных видов потенциала территории. Проанализированы соотношения между понятиями потенциала целевых групп населения и социального потенциала, социального и трудового потенциала, социальных и целевых групп населения. Потенциал целевых групп населения раскрыт на примере Мостовского района Краснодарского края и городского округа город Мегион ХМАО-Югры. По результатам рефлексивного анализа процесса и результата разработки стратегий данных муниципальных образований было выделено более десятка целевых групп, типичных для обеих территорий. Также были идентифицированы отдельные целевые группы, специфичные для одной из двух изучаемых территорий. При этом была определена роль каждой из целевых групп при условии как инерционного, так и стратегического развития муниципального образования. Выявление целевых групп позволило их классифицировать по ряду критериев: типичность, локализация относительно границ территории, сплочённость, объективность существования / результат социально-управленческого «конструирования». Предложена идея формирования тезауруса целевых групп населения для упрощения анализа социального потенциала других территорий.

Ключевые слова: социальный потенциал; социальное пространство; рефлексивный анализ; целевые группы; стратегическое планирование

Введение

В настоящее время достаточно много российских муниципальных образований находятся в депрессивном состоянии, о котором свидетельствует снижение показателей производства и деловой активности населения, сокращение объёма инвестиций в основной капитал, рост безработицы и, как следствие всего это-

го, — естественная и миграционная убыль населения. Причины таких неблагоприятных явлений определяются не столько чисто экономическими факторами, сколько недостаточным либо нерациональным использованием человеческого ресурса. В связи с этим возникает необходимость в определении того, каким образом потенциал социальных групп населения может быть направлен на улучшение социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях.

На сегодняшний день неотъемлемой чертой системы муниципального управления стала разработка документов стратегического планирования¹. Положительными чертами этого процесса стали достаточно глубокий анализ статистических данных о состоянии муниципальных образований, постановка долгосрочных целей и задач по развитию территории. Вместе с тем, в большинстве стратегий социально-экономического развития муниципальных образований не дается конкретных рекомендаций относительно того, как переходить от функционирования к развитию и кто может стать движущей силой планируемых преобразований. Исходя из этого, представляется важным показать, какие целевые группы наиболее значимы для решения поставленных в данных стратегиях задач и каким образом можно повышать их роль в развитии территории.

Анализ литературы показывает, что исследователи чаще всего делают акцент на проблеме общественного участия в стратегическом планировании, т. е. в ходе разработки стратегии [11; 21; 25; 29]. В данном ключе внимание уделяется как общественности в целом, так и отдельным локальным общностям. Так, в работе А. Боэм анализируются факторы, способствующие и препятствующие вовлечению преподавателей университетов в процесс социального планирования [23]. Исследование М. Пажухан и С. Фати посвящено использованию потенциала женщин при разработке стратегий развития городов, что, по мнению авторов, позволит снизить мужское влияние в данной сфере [26]. Вместе с тем фокус внимания на процессе стратегического планирования не позволяет осмыслить потенциальные возможности социальных групп для развития территории на следующем этапе, т. е. в ходе стратегического управления.

Отсюда цель нашего исследования — определить способы выявления и инструменты активизации потенциала различных групп населения в процессе реализации муниципальных стратегий, а также их влияние на интеграцию социального потенциала территории. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: 1) проанализировать понятие потенциала как социально-управленческой категории; 2) определить место потенциала социальных групп населения среди разнообразных видов потенциала территории; 3) определить отличия потенциала социальных групп от социального потенциала; трудовых ресурсов; 4) провести рефлексивный анализ разработки стратегий Мостовского района Краснодарского края и города Мегион Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на предмет репрезентации в стратегических документах потенциала социальных групп

¹ В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

населения; 5) выявить типовые и специфические целевые группы населения данных территорий и определить роль каждой из них как в условиях инерционного развития, так и в реализации намеченных стратегических целей и задач; 6) предложить классификацию целевых групп населения по ряду критериев.

Научная новизна исследования состоит в том, что потенциал целевых групп населения впервые раскрывается в контексте понятия потенциала как такового, в структуре которого подчёркнута роль субъективного содержания, определяемого субъектом социального управления.

Теоретическая база исследования

Теоретическое осмысление потенциала социальных групп населения территории предполагает анализ целого ряда категорий и их контекстов, таких как потенциал, социальный потенциал территории, социальная и целевая группа.

Отправной точкой рассуждений является понятие потенциала как такового. Под потенциалом понимаются скрытые, неактуализированные [16] и в то же время максимальные (предельные) возможности, которые могут быть реализованы при наиболее благоприятных условиях и задействовании всех необходимых ресурсов [6]. На наш взгляд, потенциал может быть структурирован следующим образом: это нереализованные возможности, которые 1) фактически имеются, но не выявлены; 2) выявлены, но на данный момент не используются; 3) недостаточно развиты, но имеют предпосылки к дальнейшему развитию.

Исходя из данного понимания, потенциал нельзя трактовать как объективные запасы ресурсов, которые следует вводить в оборот; это во многом субъективная социально-управленческая категория. В данном случае от субъекта управления зависит, где именно, а также насколько широко и глубоко производить поиск дополнительных ресурсов; вводить ли найденные ресурсы в действие сразу либо постепенно; каким образом и за счёт каких внешних источников достраивать ресурсы до требуемого уровня. Набор таких управленческих решений, объединённых общими целями и задачами, как раз и должен составлять внутреннее содержание стратегии социально-экономического развития территории. Анализ потенциала «даёт возможность определить будущее состояние явления, прогнозировать его и разрабатывать научно-обоснованную политику развития» [19].

Говоря о потенциале территории как источнике её развития, разработчики муниципальных стратегий обычно рассматривают широкий спектр его разновидностей. Это, прежде всего, природно-ресурсный, экономический, туристско-рекреационный, инвестиционный, пространственный, инфраструктурный, социальный и управленческий потенциал. Данные виды потенциала иногда целесообразно выстраивать в определённую систему причинно-следственных связей, например, природные ресурсы и местная экономика как предпосылки развития туризма либо повышения инвестиционной привлекательности территории.

Предметом нашего внимания является потенциал социальных групп, который рассматривается как фактор интеграции социального пространства территории. В исследованиях по близкой тематике термин «потенциал социальных групп» употребляется достаточно редко. В этом ключе отметим наиболее близкие по предметной области работы, посвящённые потенциалу старшего поколения в развитии сельского хозяйства [9], а также инновационному потенциалу региональных властных групп, который, однако, оценивается как недостаточно высокий [4]. Как уже отмечалось, в ряде исследований внимание фокусируется на «потенциале общественного участия целевых групп в стратегическом планировании» [16, с. 24]. Вместе с тем, представляется, что опора субъекта управления на общественность в ходе разработки стратегии имеет большое, но не решающее значение для развития территории, поскольку гораздо важнее определить для каждой социальной группы созидательную роль в «общем деле» реализации стратегических целей и задач.

Помимо воплощения в жизнь сформированного образа будущего, не менее значимым, хотя и косвенным, результатом реализации потенциала социальных групп является интеграция социального пространства территории, т. е. согласование частных интересов индивидов в рамках социальных групп и самих групп между собой таким образом, чтобы они совпадали с общественным интересом. Основой интеграции социального пространства и позитивной динамики социального капитала его участников является доверие к власти [3]. Показателем интеграции социального пространства является снижение распространённости социальных девиаций, а также разрешение межгрупповых и межсекторных конфликтов, как, например, между предприятиями, оказывающими негативное воздействие на окружающую среду, и туристическим бизнесом.

Понятие потенциала социальных групп родственно понятию социального потенциала, которое гораздо чаще попадает в поле зрения исследователей [12, с. 82]. Изначально внимание экономистов и социологов фокусировалось, скорее, на трудовых ресурсах территории. Понятие социального потенциала обогатило категорию «трудовые ресурсы», наполнив её социальным содержанием [6].

В настоящее время по причине усложнения социальной структуры общества и характера социального взаимодействия реализация стратегий социально-экономического развития территории уже не может увязываться только лишь с трудовым потенциалом населения. Не меньшее значение имеет социальная активность населения, в том числе социальное предпринимательство, участие в территориальном общественном самоуправлении (ТОС) и инициативах местного самоуправления, деятельность некоммерческих организаций, наконец, воспитание детей в семьях, основанное на социально-приемлемых ценностях.

Социальный потенциал как научное понятие имеет свой набор контекстов, в которых оно чаще всего фигурирует:

1) применительно к социальной либо социально-профессиональной группе, например, социальный потенциал молодёжи [1]; бизнес-сообщества [3]. В данном случае социальный потенциал определяет влияние некоторой социальной общности на общество;

2) применительно к территории, например, социальный потенциал региона [2]; северного города [10] и села [5].

Обобщая научные трактовки социального потенциала территории, можно выделить три подхода.

1. «От человека». В данном ключе под социальным потенциалом понимается возможность реализации человеком своих внутренних сущностных сил, а также талантов, навыков и умений на определённой территории, если общество создаёт условия для их использования [13].

2. «От социального взаимодействия». С этой позиции социальный потенциал территории является результатом взаимодействия потенциалов живущих и действующих на ней различных социальных общностей, социальных институтов [19]. При этом на рост социального потенциала влияет не сама по себе согласованность интересов, идеалов и моральных принципов различных социальных групп, а их соответствие принципам эффективного экономического развития территории [10].

3. «От интересов развития территории». В данном случае предполагается субъект управления, который целенаправленно собирает социальный потенциал и использует его на благо своей социально-территориальной единицы. В результате социальный потенциал предстаёт как «органическое единство возможностей и способностей населения, сформированное за счёт использования собственных ресурсов социума, обеспечивающее достижение устойчивого социально-экономического развития» [9].

Для практического использования в документах стратегического планирования термин «социальный потенциал территории» представляется не совсем удачным, поскольку он распадается на две довольно разнородные составляющие: потенциал социальной сферы, характеризующий степень развитости сети учреждений социального обслуживания, образования, культуры, спорта и др., а также потенциал социальных групп. В фокусе нашего внимания находится именно потенциал социальных групп. В отличие от «социального потенциала», который является собирательным, обобщающим понятием, использование термина «потенциал социальных групп» предполагает анализ возможной роли для территории каждой выделенной группы по отдельности, что делает результаты исследования более структурированными и значимыми для управленческой практики.

Следует также сделать методологическое уточнение о соотношении понятий социальной и целевой группы, которые по сути обозначают одно и то же — человеческий фактор развития территории. Различие между ними видится лишь в ракурсе, с которого они рассматриваются. Социальная группа — это объективно существующее

явление, а целевая группа — специально выделенная в целях актуализации и дальнейшего использования её потенциала. Возможно, движущей силой развития территории могут стать даже не многочисленные социальные группы, а общности, которые на данный момент территориально и социально разрознены и немногочисленны.

Объект и методы исследования

Анализ потенциала социальных групп населения в стратегическом развитии территории проводился на материалах двух муниципальных образований — Мостовского района Краснодарского края (69,97 тыс. жителей) и городского округа город Мегион Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (46,64 тыс. жителей). Выбор данных муниципальных образований был предопределён участием автора в разработке стратегий социально-экономического развития.

Несмотря на то, что одна территория, находящаяся в фокусе нашего внимания, расположена на Юге России и представляет собой сельский муниципальный район, а другая находится в Сибири и является городским округом, в их социально-экономическом положении прослеживаются общие черты, такие как сокращение численности населения, резкое снижение объёмов промышленного производства, крайне низкие объёмы привлечённых инвестиций.

В Мостовском районе на сегодняшний день произошло банкротство наиболее крупных предприятий; развитые прежде отрасли, в частности, лесопромышленный комплекс и добыча песчано-гравийной смеси, переживают упадок. В городе Мегионе действует ряд крупных предприятий нефтяной и нефтесервисной отраслей, однако они не интегрированы в жизнь города и, более того, теряют свои позиции в экономике по причине сокращения добычи нефти. Всё это определённым образом влияет на состояние социального потенциала территорий.

Объектом исследования являются социальные группы, так или иначе связанные с данной территорией, потенциал которых может быть направлен на её развитие.

Методы исследования потенциала социальных групп в развитии территории были предопределены, с одной стороны, решаемой практической задачей — разработать документы стратегического планирования, а с другой — необходимостью в научном переосмыслении полученных результатов.

В первом случае использовались общенаучные методы, такие как системный логический, структурно-функциональный анализ, аналогия и обобщение, а также социологические методы. Исходными данными для выявления целевых групп населения послужили экспертные интервью с работниками администраций муниципальных образований, представителями местного бизнеса, общественных организаций и иными стейкхолдерами (всего 70 интервью), проведённые в период с конца 2017 по 2018 гг. в очном формате. Выборка респондентов осуществлялась, в том числе, с использованием метода снежного кома, что

обеспечило возможность участия в опросе респондентов, обладающих ценными представлениями о состоянии и перспективах развития своей территории. Несмотря на наличие вопросника, интервьюирование осуществлялось в слабо-структурированном формате, который предполагает не верификацию априорных гипотез, а максимальный интерес к мнениям, представлениям, отношениям респондентов [18] и тем самым предотвращает риск односложных ответов.

Также были проведены структурированные наблюдения по результатам обследования района / городского округа и участия в событийных мероприятиях, что соответствует «методологии совместного действия», которая применяется за рубежом для изучения социальных групп в рамках местного сообщества [24]. Например, участие разработчиков стратегий и исследователей в одном лице в семинаре для лидеров социально-ориентированных некоммерческих организаций города Мегиона, в совещаниях отраслевых ассоциаций, а также в Международной практической конференции «Интер Органик – 2017» в Мостовском районе позволило сформировать представления об отдельных целевых группах. Количественные данные по результатам интервью и наблюдений обрабатывались с использованием пакета SPSS 15.0, качественные данные – методом логико-содержательного анализа.

Во втором случае нами был реализован метод рефлексивного анализа, который предполагает переосмысление уже разработанных муниципальных стратегий социально-экономического развития как итоговых документов и как процессов, связанных с их созданием. Если изначально данные стратегии создавались в практических целях, а их научное содержание играло второстепенную, обеспечивающую роль, то в ходе рефлексии акцент делается именно на теоретических выкладках и обобщениях, а конкретный материал из практики служит основой при подготовке рекомендаций для использования на других территориях.

Результаты исследования и их обсуждение

Систематические наблюдения, интервьюирование представителей различных категорий населения, а затем обобщение данных по двум изучаемым муниципальным образованиям позволили выявить целевые группы, характерные для территории, периферийной относительно административно-территориального устройства региона, небольшой по численности населения, с отсутствующим крупным производством и неблагоприятными тенденциями в экономике и социальной сфере.

Помимо собственно идентификации социальных групп, анализировалась их роль при сохранении текущих тенденций социально-экономического развития территории и потенциал для реализации стратегических целей и задач. Исходя из этого, вне нашего поля зрения оказывались общности, потенциал которых для развития территории не был определён.

Рефлексия итогов стратегического анализа в двух рассматриваемых случаях обнаруживает, что целый ряд целевых групп идентичен и для Мостовского района, и для городского округа город Мегион, равно как и для других муниципальных образований, подобных им по социально-экономической ситуации:

1. Квалифицированные технические специалисты. В условиях стабильной экономической ситуации это основной актив предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности. При банкротстве же предприятий либо сокращении рабочих мест данные специалисты либо переезжают на другую территорию, либо занимаются менее квалифицированным трудом, а то и вовсе остаются безработными. Профессиональный потенциал технических специалистов можно сохранить, используя их в качестве организаторов производства при реализации инвестиционных проектов. Условием этого является самостоятельная и активная инвестиционная политика местной администрации.

2. Рядовые работники предприятий, также потерявшие работу в результате банкротств либо сокращений. В отличие от инерционного сценария, предполагающего миграцию, снижение квалификационных характеристик и рост безработицы, стратегическое развитие территории даёт таким работникам перспективу не менять уклад жизни, продолжая жить и работать на своей территории, а инвесторам и иным организаторам производства – быстро заполнять требуемые вакансии.

3. Работники бюджетной сферы. Работа в инерционном режиме лишает бюджетников былой стабильности. Если даже не брать в расчёт массовые увольнения, социальный потенциал бюджетников ослабляет работа более чем на одну ставку, а также излишнее её документационное обеспечение. В рамках стратегического развития бюджетники могут раскрыть свой социальный потенциал, участвуя в проектной деятельности и работе социально-ориентированных некоммерческих организаций.

4. Местные предприниматели. Стихийное развитие социально-экономических отношений в современных условиях ведёт к тому, что 1) торгово-посредническая предпринимательская деятельность всё больше доминирует над производственной; 2) спектр деятельности местных предпринимателей сужается по мере завоевания рынка периферийных территорий сетевыми организациями; 3) местные предприниматели не имеют достаточной социальной поддержки со стороны населения. В рамках же стратегического развития территории может быть выделена прослойка социально-ответственного бизнеса, которой будут предоставляться всевозможные преференции. Также возможна интеграция местного бизнеса в кластерные структуры, что объективно отвечает интересам и самих предпринимателей, и территории.

5. Общественные активисты. В инерционном режиме потенциал активных общественников для развития территории может раскрываться лишь частично, а при определённых обстоятельствах и вовсе возможен рост протестной

активности. Выделение общественников в особую целевую группу позволяет обеспечивать межпроектную интеграцию [20] и вовлекать их в общее дело по развитию территории.

6. Пенсионеры, в том числе трудоспособного возраста. Отсутствие внимания к данной группе ведёт к росту социальной напряжённости, тогда как её социальный потенциал можно использовать для развития территориального общественного самоуправления, а также геронтовоолонтерства [7], а кадровый потенциал [14; 17] – для реализации инвестиционных проектов.

7. Жители данной территории, работающие в соседних населённых пунктах в режиме маятниковой миграции, либо работающие вахтовым методом. Так, многие жители Мегиона работают на предприятиях города Нижневартовска, находящегося в 34 км восточнее, либо Нижневартовского района; соответственно, для них место жительства становится лишь «спальным районом», что снижает социальный потенциал территории. В Мостовском районе маятниковая миграция имеет место лишь внутри поселений; при этом значительная часть жителей, особенно из отдалённых сёл, работает вахтовым методом в крупных городах. Проведённый нами опрос глав 14-ти поселений Мостовского района показал, что вахтовым методом работают до 70% трудоспособного населения. В перспективе потенциал маятниковой и вахтовой миграции можно использовать как кадровый ресурс инвестиционных проектов.

8. Бывшие административно-управленческие работники. Данная целевая группа, включающая уволившихся представителей топ-менеджмента и рядовых работников, немногочисленна и в условиях инерционного развития практически незаметна, однако целенаправленное использование её потенциала даёт дополнительные знания для определения того, какие инвестиционные проекты в своё время обсуждались и вводились в действие, по каким причинам тот или иной проект не удалось реализовать и т. д. Отдельные представители данной группы могут стать организаторами производства либо составить актив общественного самоуправления.

9. Жители, имеющие государственные награды и почётные звания. В текущем режиме данная социальная группа разрознена, при стратегическом же подходе её сплочение позволит обеспечивать легитимацию и независимую оценку эффективности решений местной власти.

10. Ученический актив. При инерционном развитии периферийных муниципальных образований наиболее активные и способные учащиеся уезжают получать высшее образование в крупные города и, как правило, не возвращаются работать на свою малую родину. Чтобы использовать ресурс учащихся в интересах стратегического развития территории, следует 1) ввести в рамках внеурочных занятий ознакомление с работой социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО); 2) интегрировать выполнение индивидуальных проектов школьников, которое сейчас является неотъемлемой частью образовательной программы, и реализацию проектов на благо местного сообщества.

11. Модераторы и подписчики групп в социальных сетях, посвящённых данному муниципальному образованию («Типичный Мегион», «Подслушано в Мостовском v2.0» и др.), у которых в традиционном режиме доминируют частные интересы, тогда как может быть раскрыт потенциал конструирования будущего своей территории. В идеале такие группы могут объединять не только нынешних жителей территории, но также 1) бывших жителей – мигрантов, для которых связь с прежним местом проживания имеет субъективную значимость; 2) будущих жителей, планирующих переезд.

Отдельные выявленные целевые группы являются специфическими только для одного из изучаемых муниципальных образований, как, например:

- для городского округа город Мегион – это жители соседних населённых пунктов, проявляющие интерес к рассматриваемой территории;
- для Мостовского района – это 1) казачество, которое в условиях инерционного развития может замыкаться на внешней атрибутике и корпоративных интересах, а будучи задействовано в стратегическом управлении – активно участвовать в патриотическом и духовном воспитании молодёжи [8], содействовать в обеспечении безопасности территории; 2) дауншифтеры – мигранты из крупных городов, осознанно переезжающие в сельскую местность в поисках самоактуализации, которые также могут либо оставаться разрозненными индивидами, либо коллективно творить свое будущее [27].

Общий взгляд на выделенные целевые группы позволяет предложить их классификацию по нескольким критериям: 1) присутствующие практически в каждом муниципальном образовании и специфические для изучаемой территории; 2) «внутренние» и «внешние» (внешние группы представлены лицами, постоянно не проживающими на данной территории, но могущих быть заинтересованных в её развитии); 3) сплочённые и на данный момент разрозненные; 4) традиционно существующие и сложившиеся сравнительно недавно; 5) выявленные в объективном мире и «экспериментальные», или сконструированные под задачи субъекта управления.

Идентификация целевых групп является первым шагом на пути к интеграции социального пространства территории и обеспечения её целенаправленного развития. В отличие от местных сообществ стран Запада, в большинстве случаев локальные социальные группы существуют вне формальных некоммерческих организаций, которые могли бы защищать их интересы. Отсюда одна из форм работы администраций с этими группами состоит в том, чтобы помочь местным лидерам создать и наладить деятельность таких организаций [28]. Другая важная форма работы – это работа с людьми [22]: артикуляция их желаний, содействие в формулировании их собственных целей, удовлетворение потребностей и решение проблем, а также мотивация к достижению их целей.

Заключение

Как показало проведённое исследование, в ходе разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований целесообразно проведение анализа потенциала целевых групп населения как фактора интеграции социального пространства территории, решения намеченных стратегических задач. Фокус внимания на участии целевых групп в развитии территорий представляется более важным, чем их участие лишь в ходе стратегического планирования.

Сплочение целевых групп населения вокруг интересов территории предполагает управленческую деятельность местной администрации с использованием мягких, или косвенных методов воздействия, таких как создание комфортной среды, проведение стратегических сессий, продвижение социальной рекламы, управление социальными сетями.

Вклад настоящего исследования в развитие социологии управления состоит в том, что в нём раскрываются содержательные характеристики потенциала целевых групп населения в рамках понимания потенциала вообще как социально-управленческой категории с объективным и субъективным содержанием. Выявление потенциала целевых групп населения среди многообразия видов потенциала территории вносит вклад в теоретическое осмысление вопросов комплексного развития регионов и муниципальных образований, которое находится на стыке социологии социальных групп, экономической социологии и региональной экономики.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы управленцами и инвесторами для выявления целевых групп на своей территории, на потенциал которых можно опираться в своей деятельности. Также предложенные классификации и описания социально типичного могут служить руководством, своего рода тезаурусом, для разработчиков стратегических документов других территорий.

Список литературы

1. Бойкова О. И. Социальный потенциал студенческой молодёжи: актуальные детерминанты // *Философия образования*. 2011. № 2 (35). С. 162–166.
2. Буторина А. А. Социальный потенциал региона: понятие и структура // *Вестник социально-политических наук*. 2014. № 13. С. 12–14.
3. Внуковский М. В. Социальный потенциал бизнес-сообщества в условиях модернизируемого общества // *Власть*. 2012. № 2. С. 60–62.
4. Даугавет А. Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал / А. Б. Даугавет, А. В. Дука, Д. Б. Тев // *Власть и элиты*. 2016. Т. 3. С. 121–186. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>.

5. Дементьев И. А. Социальный потенциал северного села // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4–2 (26). С. 32–34.
6. Докторович А. Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 179–189.
7. Курилович Н. В. Формирование готовности геронтово­лонтёров к осуществлению добровольческой деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. №4 (168). С. 7–13. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-7-13.
8. Лукаш С. Н. Воспитательный потенциал культуры казачества: формирование российской национальной идентичности / С. Н. Лукаш, К. В. Эпоева, А. Л. Гришко // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 50–53.
9. Лысенко О. И., Кох М. Н. Анализ социального потенциала работников старших возрастных групп сельского хозяйства в РФ // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 44-4. С. 70–73. DOI: 10.18411/lj-11-2018-102.
10. Лыткина Т. С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 33–47.
11. Маркварт Э. Участие жителей в стратегическом планировании – обременительная обязанность или нераскрытый потенциал? // Вестник экспертного совета. 2017. № 2 (9). С. 26–32.
12. Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.5.
13. Нугаев М. А. Социальный потенциал и социальный капитал региона как проблема социологической науки: о понятиях основных сфер общественной жизни // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2012. № 5. С. 393–404.
14. Промыслов Б. Трудовой потенциал работников пенсионного возраста (методологические основы оценки) / Б. Промыслов, Р. Кулишова, Т. Алешина // Человек и труд. 2007. №3. С. 67–70.
15. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 5. С. 12–21. DOI: 10.12737/22689
16. Скалабан И. А. Стратегии социального картирования общественного участия: социально-территориальный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 24–36.
17. Тимошенко М. А. Трудовой потенциал пенсионеров как фактор социально-экономического развития сельских территорий // Научное обозрение. 2017. № 21. С. 125–131.
18. Трубицына Л. В. Слабоструктурированное интервью как метод качественного исследования в психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 72–84.
19. Файзуллин Т. Ф. Сущность и содержание категории «социальный потенциал региона» // Вестник ВЭГУ. 2015. № 3 (77). С. 63–68.
20. Харченко К. В. Солидарное общество как ориентир проектной деятельности // Управление городом: теория и практика. 2018. № 4 (31). С. 12–17.
21. Чебан В. А. Общественное участие в стратегическом планировании. Роль партиципативности в вопросе становления российской модели публичного управления // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2020. № 1. С. 247–263.

22. *Adams R.* Empowering Community Groups and Organizations. In: *Social Work and Empowerment. Practical Social Work.* Palgrave, London, 1996. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-14033-6_7.

23. *Boehm A.* The involvement of university faculty members in social planning: motivating and hindering factors // *High Education.* 2008. Vol. 56. P. 659–684. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-008-9117-5>.

24. *Gremillion H.* Developing a collaborative methodology for research with community groups // *New Zealand Journal of Social Sciences Online.* 2013. Vol. 8. № 1–2. P. 74–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1177083X.2013.848215>.

25. *Najimi B.* Status of Public Participation in Planning, Budgeting and Oversight // *Gender and Public Participation in Afghanistan.* Palgrave Pivot, Cham, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-74977-8_5.

26. *Pazhuhani M., Fathi S.* Women and strategic urban planning in Tehran: channeling women's social capacity to prepare city development strategies. *GeoJournal*, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-019-10086-2>.

27. *Ragusa A. T.* Downshifting or Conspicuous Consumption? A Sociological Examination of Treechange as a Manifestation of Slow Culture // *Osbaldiston N. (ed.) Culture of the Slow. Consumption and Public Life.* London: Palgrave Macmillan, 2013. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137319449_7.

28. *Twelvetrees A.* The Community Development Process II: Working with Community Groups // *Community Work. Practical Social Work.* Palgrave, London, 1991. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-21262-0_3.

29. *Wolf M., Söbke H., Wehking F.* Mixed Reality Media-Enabled Public Participation in Urban Planning // *Jung T., tom Dieck M., Rauschnabel P. (eds) Augmented Reality and Virtual Reality.* Progress in IS. Springer, Cham, 2020. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-37869-1_11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Харченко Константин Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

E-mail: geszak@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 76188

Дата поступления в редакцию: 06.01.2021. Принята к печати: 20.02.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7877

The Capacity of Target Groups of the Population as a Factor of Integration of the Social Space in a Locality

Konstantin V. Kharchenko¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Kharchenko K. V. (2021). The Capacity of Target Groups of the Population as a Factor of Integration of the Social Space in a Locality. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika.* Vol. 9. № 1. P. 124–139. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7877

Abstract. The paper presents an analysis of the capacity of target groups of the population which are considered as a social base for the implementation of strategies of socioeconomic development. The aim of the study is to define the ways of identifying and tools of activating of the capacity of various groups of the population in relation to strategy planning and implementation. The capacity of target groups is considered in a context of the concept of capacity as a managerial category with its both objective and subjective senses. The capacity of target groups is identified among the various sorts of capacity of a territory. The concepts of target groups capacity and social capacity, social and labor capacity, social and target groups are correlated. The capacity of target groups is shown on the example of two certain localities: Mostovski raion (Krasnodar krai) and the city district of Megion (Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Ugra). As a result of reflection analysis of the process and outcomes of strategic planning there were revealed more than ten target groups typical for both localities. Specific target groups were also identified. The role of each of group under the condition of both inertial and purposeful development of the locality was highlighted. The identification of target groups had let to classify them by the criteria of typicality, localization in relation to the borders of the locality, cohesion, presence in the real world / result of intent construction. It was proposed to form a ‘thesaurus’ of target groups to apply while analyzing the social potential of the other localities.

Keywords: social capacity; social space; reflection analysis; target groups; strategic planning

REFERENCES

1. Boikova O. I. (2011). Sotsial’nyj potentsial studencheskoj molodezhi: aktual’nye determinanty. [Social capacity of students: actual determinants]. *Filosofiya obrazovaniya*. № 2 (35). P. 162–166. (In Russ.)
2. Butorina A. A. (2014). Sotsial’nyj potentsial regiona: ponyatie i struktura. [Social capacity of a region: its concept and structure]. *Vestnik social’no-politicheskikh nauk*. № 13. P. 12–14. (In Russ.)
3. Vnukovskiy M. V. (2012). Sotsial’nyj potentsial biznes-soobshchestva v usloviyah moderniziruemogo obshchestva. [Social capacity of businesspersons in the conditions of modernizing society]. *Vlast’*. № 2. P. 60–62. (In Russ.)
4. Davgavet A. B., Duka A. V., Tev D. B. (2016). The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential. [Russ. ed. : Regional’nye vlastnye gruppy: osnovnyye social’no-strukturnye harakteristiki i innovacionnyj potentsial]. *Vlast’ i elity*. Vol. 3. P. 121–186. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>. (In Russ.)
5. Dementiev I. A. (2012). Sotsial’nyj potentsial severnogo sela. [Social capacity of the Northern countryside]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*. № 4-2 (26). P. 32–34. (In Russ.)
6. Doktorovich A. B. (2007). Sotsial’nyj potentsial kak predmet sistemnogo issledovaniya. [Social capacity as a subject of system-based study]. *Rossiya i sovremennyy mir*. № 3 (56). P. 179–189. (In Russ.)
7. Kurilovich N. V. (2017). The formation of readiness of gerontovolunteers to realization of voluntary activity. [Formirovanie gotovnosti gerontovolonterov k osushchestvleniyu dobrovol’cheskoj deyatel’nosti]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22. № 4 (168). P. 7–13. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-7-13. (In Russ.)
8. Lukash S. N., Epoeva K. V., Grishko A. L. (2019). The educational potential of the culture of cossacks: the formation of russian national identity. [Vospitatel’nyj potentsial kul’tury kazachestva: formirovanie rossijskoj natsional’noj identichnosti]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya*. № 2 (75). P. 50–53. (In Russ.)
9. Lysenko O. I., Kokh M. N. (2018). Analiz sotsial’nogo potentsiala rabotnikov starshih vozrastnykh grupp sel’skogo hozyajstva v RF. [Analysis of social capacity of the aged agricultural workers in the Russian Federation]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. № 44-4. P. 70–73. DOI: 10.18411/lj-11-2018-102. (In Russ.)

10. Lytkina T. S. (2014). Sotsial'nyj potentsial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu. [Social capacity of the Northern city: from ignoring to recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. Vol. 17. № 3. P. 33–47. (In Russ.)
11. Markvart E. (2017). Participation of inhabitants in strategic planning – the burdensome duty or unsolved potential? [Russ. ed. : Uchastie zhitelej v strategicheskom planirovanii – obremenitel'naya obyazannost' ili neraskrytyj potencial?]. *Vestnik ekspertnogo soveta*. № 2 (9). P. 26–32. (In Russ.)
12. Markin V. V., Silin A. N. (2017). Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: sociological analysis, modeling, and regulation. [Russ. ed. : Chelovecheskij i sotsial'nyj potentsial neoindustrial'nogo osvoenija Arktiki: sotsiologicheskij analiz, modelirovanie, regulirovanie]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 10. № 6. P. 75–88. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.5 (In Russ.)
13. Nugaev M. A. (2012). Sotsial'nyj potentsial i sotsial'nyj kapital regiona kak problema sotsiologicheskoi nauki: o ponyatijah osnovnyh sfer obshchestvennoj zhizni. [Social capacity and social potential of a region as a sociological problem: on the concepts of the basic spheres of social life]. *Nauchnye trudy Centra perspektivnyh ekonomicheskikh issledovanij*. № 5. P. 393–404. (In Russ.)
14. Promyslov B., Kulishova R., Aleshina T. (2007). Trudovoj potentsial rabotnikov pensionnogo vozrasta (metodologicheskie osnovy otsenki). [Labor capacity of the aged workers (methodological base of its estimation)]. *Chelovek i trud*. № 3. P. 67–70. (In Russ.)
15. Reutov E. V., Reutova M. N. (2016). Trust to municipal authority and integration of social space of local community. [Russ. ed. : Doverie k municipal'noj vlasti i integraciya social'nogo prostranstva mestnogo soobshchestva]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. Vol. 11. № 5. P. 12–21. DOI: 10.12737/22689. (In Russ.)
16. Skalaban I. A. (2011). Strategii sotsial'nogo kartirovaniya obshchestvennogo uchastiya: sotsial'no-territorial'nyj kontekst. [Strategies of social mapping of public participation: socio-territorial context]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. № 2. P. 24–36. (In Russ.)
17. Timoshenko M. A. (2017). labor potential of retirees as a factor in the socio-economic development of rural territories. [Trudovoj potencial pensionerov kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skih territorij]. *Nauchnoe obozrenie*. № 21. P. 125–131. (In Russ.)
18. Trubitsina L. V. (2019). Slightly structured interview as a method of qualitative research in psychology. [Russ. ed. : Slabostrukturirovanoe interv'yu kak metod kachestvennogo issledovaniya v psihologii]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*. Vol. 12. № 3. P. 72–84. (In Russ.)
19. Fayzullin T. F. (2015). Sushchnost' i sodержanie kategorii 'sotsial'nyj potentsial regiona'. [The essence and structure of the category 'social capacity of a region']. *Vestnik VEGU*. № 3 (77). P. 63–68. (In Russ.)
20. Kharchenko K. V. (2018). Solidarity society as a landmark of project activity. [Russ. ed. : Solidarnoe obshchestvo kak orientir proektnoj deyatel'nosti]. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*. № 4 (31). P. 12–17. (In Russ.)
21. Cheban V. A. (2020). Public participation in strategic planning. The role of participativity in the formation of the russian model of public administration. [Russ. ed. : Obshchestvennoe uchastie v strategicheskom planirovanii. Rol' partisipativnosti v voprose stanovleniya rossijskoj modeli publichnogo upravleniya]. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*. № 1. P. 247–263. (In Russ.)
22. Adams R. (1996). Empowering Community Groups and Organizations. *Social Work and Empowerment. Practical Social Work*. Palgrave, London. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-14033-6_7.

23. Boehm A. (2008). The involvement of university faculty members in social planning: motivating and hindering factors. *High Education*. Vol. 56. P. 659–684. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-008-9117-5>.

24. Gremillion H. (2013). Developing a collaborative methodology for research with community groups. *New Zealand Journal of Social Sciences Online*. Vol. 8. No. 1-2. P. 74–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1177083X.2013.848215>.

25. Najimi B. (2018). Status of Public Participation in Planning, Budgeting and Oversight. In: *Gender and Public Participation in Afghanistan*. Palgrave Pivot, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-74977-8_5.

26. Pazhuhan M., Fathi S. (2019). Women and strategic urban planning in Tehran: channeling women's social capacity to prepare city development strategies. *GeoJournal*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-019-10086-2>.

27. Ragusa A. T. (2013). Downshifting or Conspicuous Consumption? A Sociological Examination of Treechange as a Manifestation of Slow Culture. In: Osbaldiston N. (ed.) *Culture of the Slow. Consumption and Public Life*. London: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137319449_7.

28. Twelvetrees A. (1991). The Community Development Process II: Working with Community Groups. In: *Community Work. Practical Social Work*. Palgrave, London. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-21262-0_3.

29. Wolf M., Söbke H., Wehking F. (2020). Mixed Reality Media-Enabled Public Participation in Urban Planning. In: Jung T., tom Dieck M., Rauschnabel P. (eds) *Augmented Reality and Virtual Reality*. Progress in IS. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-37869-1_11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharchenko Konstantin Vladimirovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: geszak@mail.ru

ORCID Id: 0000-0003-3329-7755

ResearcherId: AAV-7562-2020

Scopus Author Id: 76188

The article was submitted on January 06, 2021. Accepted on February 20, 2021.